

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-146-158

ПРИЧИНЫ И МОТИВАЦИЯ УЧАСТНИКОВ ВЕНДСКОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА 1147 г.

Прохватиллов И. В.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Исследование причин и процесса подготовки Вендского крестового похода против балтийских славян в 1147 г.

Процедура и методы. Автором проанализирован ряд текстов первоисточников (латинские хроники, папские буллы и энциклики) для определения причин проведения Крестового похода в земли полабских славян в 1147 г. Помимо этого, привлечён ряд историографических источников (российских дореволюционных и советских, а также монографии и статьи современных иностранных авторов). В работе использовались: метод реконструкции событий на основе подтверждённых исторических данных; сравнительный и хронологический методы.

Результаты. Сделан вывод о переплетении религиозных и экономических интересов и разногласий светской и церковной германской знати на приграничных с балтийскими славянами территориях, лишь временно объединившихся для реализации идеи Вендского Крестового похода 1147 г. Установлены значительные различия в целях и задачах, преследуемых инициаторами и руководителями похода.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён значительного массива данных первоисточников, историографии, а также в исследовании данной темы без религиозных и идеологических интерпретаций и клише сделан ряд выводов о политических, религиозных и экономических причинах Вендского похода.

Ключевые слова: Вендский крестовый поход, Бернард Клервосский, Генрих Лев, Альбрехт Медведь, балтийские славяне, ободриты, лютичи, Рюген

REASONS AND MOTIVATION FOR THE WENDISH CRUSADE OF 1147

I. Prokhvatilov*Moscow Region State University**24 Vera Voloshina ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation***Abstract**

Aim. To study the underlying reasons and the process of preparing the Wendish crusade against the Baltic Slavs in 1147.

Methodology. Primary (Latin chronicles, papal bulls and encyclicals) and historiographic sources (Russian pre-revolutionary and Soviet texts, monographs and articles by contemporary foreign authors) were analysed to determine the reasons for the Crusade in the lands of the Polabian Slavs in 1147. The research was conducted using reconstruction of events based on the confirmed historical data, as well as comparative and chronological methods.

Results. It is concluded that the secular and ecclesiastical German noble communities residing in the territories bordering with the Baltic Slavs had intertwining religious and economic interests and disagreements. These communities united only temporarily to implement the idea of the Wendish Crusade of 1147. Significant differences in the goals and objectives pursued by the initiators and leaders of the campaign were established.

Research implications. A significant array of data from primary and historiographical sources was generalized. Conclusions about the political, religious and economic reasons for the Wendish campaign were drawn without relying on religious and ideological cliché interpretations.

Keywords: Wendish Crusade, Bernard of Clairvaux, Heinrich Leo, Albrecht the Bear, Baltic Slavs, obotrites, lutici, Rügen

Введение

Вендский крестовый поход (нем. *Wendenkreuzzug*), состоявшийся в 1147 г. против балтийских славян – племенных союзов ободритов, лютичей, поморян, проживавших в VI–VII вв. на южном побережье и прилегающих к Балтийскому морю землях, закончился провалом всех целей и задач, первоначально ставившимся перед объединённым крестоносным войском. Провал похода стал последним крупным военным успехом балтийских славян в ходе германской экспансии в славянские земли в VII–XII вв.

Цель данного исследования – изучение причин возникновения идеи и мотивация участников при подготовке Вендского похода в земли полабских славян в 1147 г. Основными задачами работы стали: анализ возникновения идеи крестового похода в земли вендов, как одного из 3-х направлений движения Второго крестового похода; мотивация его церковных и светских руководителей; процесс подготовки войск к походу.

В современной российской историографии тематика балтийских славян освещена совершенно недостаточно. Тем более, не уделяется внимания и первому этапу Балтийских Крестовых походов – Вендскому походу 1147 г.

Необходимо отметить разницу в подходах при изучении данной темы. В до-революционной российской историографии, где была достаточно сильна славянофильская идея, исследованию истории заэльбских славян уделялось достаточное внимание. Историей балтийских

славян в целом и отдельных её аспектов (в т. ч. Вендского похода) в частности занимались такие историки, как А. Ф. Гильфердинг [3], И. А. Лебедев [12], А. А. Котляревский [10], М. В. Бреткевич [2], ряд других.

Советская историография (а вместе с ними – историки стран социалистического лагеря) подходили к исследованию с сугубо классовых позиций, при изучении вопроса отталкиваясь от подходов марксистской философии [21, с. 4]. Тем не менее, несмотря на защиту ряда диссертаций по различным аспектам истории полабских славян, в т. ч. по их борьбе с германской средневековой экспансией, эта тема в СССР оставалась, что называется, «за кадром». Вендский же поход, за исключением отдельных публикаций (очерк Н. П. Грацианского [5], главы в монографиях и статьи М. А. Заборова [7, с. 149–153], В. Д. Королюка [9], Г. Г. Литаврина, В. В. Седова, В. К. Ронина и некоторых других), практически не освещался. Зарубежная литература по этому вопросу (например, энциклопедия под ред. Й. Херманна «Славяне в Германии»), за исключением отдельных статей, в Советском Союзе также не переводилась.

Однако в современных зарубежных исследованиях истории заэльбских славян в целом и Вендского крестового похода в частности уделялось и уделяется стабильное внимание, причём разница в подходах к изучению носит широкий диапазон. Большим плюсом в этом вопросе является то, что историки имеют в своем распоряжении, помимо письменных ис-

точников, самые новые результаты археологических исследований по данной тематике. Данной проблемой занимались и занимаются такие учёные, как немецкие историки и археологи Й. Херманн [11] и А. Пауль [6], английские историки Д. Филлипс [13] и И. Фоннесберг-Шмидт [10], румынский историк М. Драгnea [19], Д. Т. Роше [25], Д. Т. Лис [23] и ряд других исследователей.

Источниками для написания данной работы послужили, прежде всего, латинские хроники Адама Бременского, Саксона Грамматика, «Магдебургские анналы», а также папские буллы, энциклики, тексты проповедей католического священноначалия и материалы археологических изысканий, ранее лишь частично привлекавшие внимание учёных. Также использованы результаты исследований (монографии, статьи, очерки) российских дореволюционных, советских, а также зарубежных специалистов по данной тематике.

В данной статье автор предпринимает попытку исследования причин возникновения идеи и мотивации участников Вендского Крестового похода 1147 г. в земли полабских славян, а также возникновение идеологии этого и последующих Балтийских (северных) крестовых походов.

Второй крестовый поход: причины и мотивы

Причиной возникновения Второго Крестового похода стала осада и взятие штурмом крепости Эдесса – столицы одноименного графства (первого христианского государства на Ближнем Востоке, возникшего в ходе Первого крестового похода) эмиром турок-сельджуков Имадом ад-Дином Занги 24 декабря 1144 г.

Римским Папой Евгением III в ответ на агрессию сельджуков был провозглашён крестовый поход с целью оказания помощи христианам Латинского Востока. Идеологической основой этого похода стала булла «*Quantum Praedecesso-*

res» – главный направляющий документ, опубликованный 1 декабря 1145 г. Папой Евгением III [20, с. 27]. 1 марта 1146 г. вышло в свет продолжение этого письма под тем же названием, адресованное крестоносцам Франции, Германии, Англии. Чуть позднее была опубликована энциклика «*Divini Dispensatione*», обращавшаяся к духовенству и рыцарям Италии [20, с. 28–29].

Главным идеологом похода понтифик назначил французского аббата ордена Цистерцианцев Бернарда Клервосского – сторонника взглядов св. Августина о «справедливой войне» [19], считавшего, что христианство можно проповедовать как словом, так и мечом [19]. Благословлённый Папой Евгением III, он практически весь 1145 г. и большую часть 1146 г. провёл в проповедях об идее участия в крестовом походе, путешествуя во Франции, Англии, Германии, где его выступления имели большой успех.

Замысел масштабной военной экспедиции в славянские земли за Эльбой возник ещё в начале XII в. Впервые идея всеобщего похода в земли балтийских славян (нем. *Wenden* – вендов) появилась в анонимном «Магдебургском письме»¹, в конце 1107–1108 гг., написанного, предположительно, фламандским клерком из окружения архиепископа Адельгоза Магдебургского.

Этот документ был составлен в форме обращения к представителям духовной и светской знати Европы с призывом военного похода против славянских племён и описанием их постоянных набегов, терзавших земли к югу от Эльбы, в ходе которых разрушались церкви и приносились в жертву языческим богам христиане. В «Магдебургском письме» впервые в европейской христианской практике было использовано выражение «наш Иерусалим» (лат. *Hierusalem nostra*), подразумевающее взятие Иерусалима кре-

¹ Оригинальное название письма «Письмо поддержки против язычников (славян)» («*Epistola pro auxilio adversus paganos (Slavos)*») [19, с. 4].

стоносами в ходе Первого крестового похода [19], а также идея того, что захват славянских земель за Эльбой может стать их «освобождением».

Можно с уверенностью предположить, что автор письма обращался к теории «справедливой войны» Папы Григория VII, сложившейся во второй половине XI в. и ставшей одной из идеологических основ Первого крестового похода [19].

Идеи «Магдебургского письма» совпали с очередным этапом экспансии немецких и польских феодалов в северо-восточные славянские земли.

В первую очередь это был ряд походов польского князя Болеслава III «Кривоуста» на племена поморских славян в период 1102–1123 гг., сопровождавшийся их насильственным крещением. Хроника «*Gesta Principum Polonorum*» доносит до нас трактовку основных целей Болеслава, опиравшихся на христианскую концепцию священной и справедливой войны [27, с. 6; 28, с. 1].

Помимо этого, примерами успешного внедрения идей «священной войны» и «справедливой войны» могли стать действия герцога Саксонского Лотаря II Суплинбургского, графов Адольфа Гольштейнского, Генриха Бадевиде и Альбрехта Медведя, герцога Генриха Льва, а также маркграфа Конрада I Мейсенского. В период с 1102 по 1144 г. они значительно продвинули сферу немецкого влияния вглубь от северного берега Эльбы: в областях, населённых ободритами – Вагрия и Гольштейн; в области лютичей – Гавеланде, а также в Лужицкой марке [24, с. 235]. Это не были обычные набеги с целью захвата добычи и обложения данью; они сопровождались колонизацией земель, насильственной христианизацией, а в ряде случаев заселением славянских территорий иностранными колонистами, т. е. носили все признаки полномасштабной долгосрочной экспансии [20, с. 23–24; 27; 28].

Эта тенденция была развита автором «Магдебургского письма», обещавшего

участникам «священной войны» неопределённые духовные награды «для спасения их душ», однако в нём нет речи ни о прощении грехов, ни о каких-либо льготах (защите семей; запрете подачи судебных исков на время похода; прощении прошлых долгов ростовщикам; облегчались условия получения займа для подготовки к походу), гарантируемых Папой Римским крестоносцам, уходящим на Восток [19]. Однако автор письма обещает участникам похода в случае захвата славянских земель вполне реальные материальные блага: «эти иноверцы [язычники] самые злые, но их земля самая лучшая, богатая мясом, медом, кукурузой и птицей; и если бы она была хорошо возделана, никто не мог бы сравниться с ней по богатству её плодов. Так говорят те, кто это знает. И вот, самые знаменитые саксы, французы, лотарингцы, фламандцы – покорители мира, это повод для вас спасти свои души и, если вы хотите, приобрести лучшую землю для жизни» [19].

Таким образом, по мнению ряда историков, «Магдебургское письмо» получило роль идеологической основы для дальнейшей военно-религиозной экспансии в вендские земли, хотя, несмотря на призывы, содержащиеся в нём, масштабный поход в первой четверти XII в. так и не состоялся. Историки ставят под сомнение даже сам факт опубликования данного документа [19; 24, с. 232].

Первоначально Бернардом Клервоским провозглашалась лишь идея похода в помощь Латинскому Востоку. Результатом проповедей аббата стало согласие на непосредственное участие в военной экспедиции германского короля Конрада III. Для дальнейшей вербовки участников из числа германских феодалов 19 марта 1147 г. король созвал во Франкфурте съезд, где и возникла идея Вендского крестового похода [1, с. 219–220].

На Франкфуртском рейхстаге Бернард Клервоский обратился с устными речами и письменным воззванием к его участникам, из числа которых многие

южногерманские феодалы пожелали взять крест для похода на Восток.

Характерно, что северогерманская знать не изъявила особого желания двинуться в поход на сарацин: из саксонских феодалов примеру короля Конрада последовали лишь 2 её представителя [11]. Саксонцы, присутствовавшие на сейме, мотивировали отказ от участия в походе в Святую Землю тем, что их границы со славянами находились под постоянной угрозой нападений из-за Эльбы.

Современным исследователям достоверно неизвестно, кто был инициатором возникновения идеи Вендского похода. Ряд историков склоняются к версии, что основным инициатором мог выступить герцог Генрих Лев, которого поддержала саксонская знать, на фоне всеобщего религиозного порыва преследовавшая цели, далёкие от духовных эксцессов. Можно также выдвинуть предположение, что Бернард Клервосский, столкнувшись с вероятностью потери лояльности саксонской знати, поддержал их в идее похода на вендов: «И многие были помечены [крестом] в этом месте [во Франкфурте-на-Майне], и в то же время мы настоятельно призвали остальных присоединиться к этому начинанию» [23, с. 12].

Более того, Бернард взял на себя ответственность гарантий тех же духовных привилегий для северных крестоносцев, что и для участников похода в Святую Землю. Примечательно, что сделал он это самостоятельно, без согласования с Папой Евгением III, которого аббат смог убедить подтвердить обещанное им крестоносцам лишь позднее, в апреле 1147 г., на встрече с понтификом в Клерво [28].

По всей вероятности, на основе уже сложившейся ранее стратегии на собрании во Франкфурте была выработана и общая тактика похода. По окончании рейхстага в начале апреля 1147 г. феодалы Германии, Польши, Чехии, Дании начали сбор военных отрядов. В это же время в церквях Центральной, Западной и

Северной Европы проводились массовые проповеди с целью вербовки участников и оправдания целей похода, направленного против славян.

После франкфуртской встречи Бернард публикует письмо с программой похода в земли славян, в котором требует обязательного крещения, а в случае отказа от него – полного их уничтожения [5, с. 86]: «Мы полностью запрещаем перемирие по какой-либо причине с этими людьми, либо за деньги или за дань, до тех пор, пока с помощью Бога их религия или их народ не будут уничтожены» [24, с. 239].

При этом в радикальности своих требований он пошёл значительно дальше Папы Евгения, говорившего лишь о крещении вендов [22, с. 626]. В этом же письменном обращении французский аббат также назначил предположительное место и дату сбора – 29 июня 1147 г. в г. Магдебурге (Саксония).

Затрагивая вопрос мотивации крестоносцев, двигавшихся в славянские земли, необходимо отметить, что прагматичные цели их руководителей существенно отличались от первоначального религиозного порыва крестоносцев, двигавшихся на Латинский Восток. Уходящие в Палестину, в первую очередь, основывались на идеях помощи, мести и спасения, лишь подкреплённом обещанием духовных и материальных льгот и благ. Северные крестоносцы изначально руководились идеями захвата добычи и земель, на которые уже было готово юридическое обоснование. Вопросы крещения вендов, провозглашаемые Бернардом и Евгением, по мере практической подготовки похода были отодвинуты на второй план.

Для формального обоснования экспансии подчас использовались и явные подделки. Например, Вибальд, аббат монастыря в Корвее (один из участников похода) высказывал притязания на остров Рюген на том основании, что монастырь обладал грамотой, выданной Людовиком Благочестивым на право владения

островом. Обосновывалось это право легендой о том, что главное божество руянских язычников – бог Свентовид – это видоизменённое название покровителя монастыря св. Витта в Корвее. Данного предлога было достаточно, чтобы требовать возврата этих земель под юрисдикцию Корвейского монастыря [1, с. 279; 11, с. 401].

Помимо всего прочего, немаловажным обстоятельством массового притока рядовых крестоносцев для участия как в походе на Ближний Восток, так и в земли вендов послужил массовый голод в 1145–1147 гг., свирепствовавший в землях Германии [18, с. 23].

Как уже ранее упоминалось, вопрос о мирном проповедовании христианства в землях вендов, первоначально поднятый Папой Евгением III, не нашёл поддержки в среде светских и, по всей вероятности, большинства духовных крестоносцев. Во всяком случае, упоминаний о миссионерской работе в ходе Вендского похода в средневековых источниках мы не встречаем. Возможно, часть служителей церкви первоначально и выступала за мирное проповедование, но их замыслы никак не сочетались с замыслами светских руководителей похода, готовых возродить церковные епархии с выплатой десятин, но в уже ставших их собственностью землях вендов [23].

Вендский поход стал логическим продолжением продвижения саксонской династии Оттонов в земли славян, начавшейся ещё в X в. и имевшей более глубокие корни, лежавшие в т. ч. и во взаимных распрях славян и саксов, письменные подтверждения которых встречаются с начала IX в. [1, с. 172].

Первые упоминания о них относятся к эпохе царствования Карла Великого, когда в 804 г. после окончательного поражения сакских племён в 32-летней войне с Франкской империей 10 000 саксов с семьями были выселены из приграничной области Нордалбингия во внутренние области Франции. Их опустевшие земли,

расположенные по обоим берегам р. Эльба, были отданы соседям и союзникам Карла в войне против саксов – славянскому племени ободритов¹ [8, с. 39; 15].

Однако уже в 816 г. сыном Карла Людовиком Благочестивым начинается процесс постепенного вытеснения ободритов из этой области, в основном закончившийся к 830 г., когда г. Гамбург упоминается в письменных источниках уже как действующая франкская пограничная крепость.

Ещё до начала процесса оттеснения славян от Эльбы по мере подавления сопротивления, покорения и христианизации сакских племён, Карл Великий постепенно уравнивал их в правах с франками (что отражено, например, во втором «Саксонском капитулярии» 797 г.).

Саксонские племенные вожди, войдя в состав Франкской империи и будучи уравнилены в правах с франкской знатью, сохранили память о временном славянском заселении Нордалбингии, что послужило одной из причин вражды [19]. Начиная с X в., уже сложившаяся в составе германского королевства саксонская аристократия стала предпринимать активные попытки расширения своих владений на север – в земли вендских «безбожных язычников», тем самым углубив противостояние.

Юридически, как поход 1147 г., так и более ранние набеги мотивировались тем, что саксонские феодалы шли за Эльбу «забирать своё», поскольку в по-

¹ До начала франкской экспансии в земли саксов взаимоотношения между ними и славянами, по всей вероятности, были вполне характерными для племён, проживавших в условиях родоплеменного строя, то есть представлявших собой сплетение обоюдных мирных договоров, военных набегов, торговых связей, династических браков. По свидетельству немецкого историка и археолога А. Пауля, ещё в середине VIII в. в крепости Делебенде (будущий Гамбург) проживало смешанное сакско-славянское население, о чём свидетельствуют данные археологии. Это даёт основания предполагать, что в тот период времени граница между славянами и саксами по реке Эльба была достаточно условна, и оба племени проживали в этом регионе смешанно [13, с. 298; 14; 16].

следней четверти X в., благодаря активным действиям императора саксонской династии Оттона I Великого, им удалось продвинуться и закрепиться на территориях славян в областях Бранденбург, Гавельберг и в окрестностях Гамбурга, создав Восточную Марку, протянувшуюся практически до реки Одер [23]. На этих территориях было организовано 5 новых епископств (Бранденбургское, Гавельбергское, Мейсенское, Мерзебургское и Цейцское), активно занимавшихся миссионерской деятельностью.

Эти усилия пропали даром через 10 лет после смерти Оттона, когда в ходе Вендского восстания 983 г. саксонцы были изгнаны с занятых территорий, церкви и монастыри разрушены, а бежавшие от вендов главы епископатов остались ими лишь формально, не имея под своей властью земельных угодий. Однако, несмотря на то, что в течение последующих полутора столетий на границах саксонских и славянских территорий мирные периоды сменялись военными действиями, в среде саксонских феодалов всё это время сохранялась уверенность, что земли между Эльбой и Одером принадлежат им и их возвращение – лишь вопрос времени [23]¹.

Помимо вышеназванных причин, согласно христианской традиции, крещённые единожды (даже насильно) оставались в этом статусе навсегда. Если они отказывались от принятой веры, то автоматически переходили в разряд отступников, на которых распространялось

наказание не только духовное, но и земное [24, с. 240]. Таким образом, насильно крещённые в ходе экспансии X–XI вв. язычники Вагрии (и фиктивно – Рюгена), вновь вернувшись к почитанию языческих богов, считались отступниками, достойными возмездия как духовного, так и земного.

При формировании отрядов ополчения не последнюю роль сыграла и внутривосточная конъюнктура, развившаяся, в том числе в личной преданности той или иной знатной фамилии.

В северогерманских областях, граничащих со славянскими территориями, между местной знатью шла постоянная междоусобная борьба, в целом характеризующаяся как затухающее и вспыхивающее противостояние между несколькими знатными родами: Гогенштауфенами (король Конрад III); Вельфами (Генрих Лев); Асканиями (Альбрехт Медведь); Бадевидами (Генрих фон Бадевиде); Веттинами (Конрад Мейсенский) и их поддерживавшими ту либо иную сторону вассалами.

Поскольку император Конрад III убыл в крестовый поход, ему необходимо было оставить в своём тылу относительно стабильное внутривосточное положение, удержать которое мог его верный сторонник Альбрехт I Медведь, являвшийся противником герцога Генриха Льва, основного соперника короля в этом регионе. Альбрехт находился в постоянной вражде с Генрихом, причиной которой послужило соперничество за владения Саксонией и Баварией (несмотря на заключённый со Львом при посредничестве короля в 1142 г. мирный договор).

Корни соперничества короля Конрада III с герцогом Саксонии Генрихом Львом лежат значительно ранее – ещё в годы борьбы его отца Генриха Гордого с Конрадом за германский престол. Став королём Германии, Конрад лишил Генриха Гордого прав на владение Саксонским и Баварским герцогствами. В 1142 г. король возвращает сыну Генриха Гордого Генри-

¹ Впрочем, говорить о всеобщей постоянной вражде славян и саксов не вполне корректно. Этот сложный и противоречивый процесс заслуживает отдельного исследования. Примером хитросплетения политических взаимосвязей может служить тот факт, что в ходе упреждающего набега двух отрядов князя Никлота на земли графа Адольфа Гольштейнского в Вагрии в 1147 г., были разорены подчинённые ему поселения колонистов из фризов, весфальцев, ухтрехцев, фландрцев, но не были тронуты поселения саксов племени гользатов, проживавших в этих местах издревле. Это позднее дало повод обвинить гользатов в сговоре со славянами [11].

ху Льву Саксонское герцогство, однако из-за потери Баварии и обиды за отца Саксонский Лев так и не примирился с королём. Таким образом, обозначилась одна из основных линий конфликта за северогерманские земли: Гогенштауфены (Конрад III) – Вельфы (Генрих Лев) [23].

Вероятно, это было ещё одной причиной того, что Конрад поддерживал нашествие в славянские земли, поскольку данное предприятие позволяло временно объединить усилия ненадёжных саксонцев для достижения перемирия и приостановки междоусобиц за приграничные земли между родами Асканиев, Вельфов, Веттинов и Бадевиде, которые могли получить продолжение в его отсутствие [21, с. 386–388]. Представители враждующих родов получали единую цель – приобретение новых территорий, что позволяло временно объединить их усилия и избежать открытых междоусобиц.

Можно с уверенностью предположить, что Генрих Лев, по всей вероятности, бывший одним из инициаторов и руководителей похода, преследовал при его организации одновременно ряд целей: удержание под своей властью Саксонской марки, которую желал вновь получить её бывший владелец граф Веймар-Орламюнде, маркграф Северной марки Альбрехт Медведь; оставаясь в своём регионе, герцог продолжал борьбу за возвращение Баварии под свою руку; в перспективе мог получить новые вендские территории; провозглашался одним из подвижников распространения христианства в землях язычников (т. е. совершал богоугодное дело, одновременно позволявшее избежать обвинений в неучастии в походе на Восток).

Именно конфликтом Гогенштауфены–Вельфы отчасти и объясняется размежевание в составе руководителей Вендского крестового похода. В армии Генриха Льва собрались сторонники Вельфов; в войске Альбрехта Медведя – военачальники, поддерживавшие его и, соответственно, Гогенштауфенов. Верность им означала,

как максимум, отправку с королём Конрадом на Ближний Восток, как минимум – участие в походе против славян в составе войска Альбрехта Медведя в противовес Генриху Льву [23]. Можно согласиться с утверждением Д. Т. Лис о том, что разделение это было чисто политическим [23].

Помимо северогерманской светской и церковной знати, в походе участвовали и представители других стран. Отряд чешских рыцарей, входивших в состав армии Альбрехта Медведя, возглавляли моравские князья Оттон Ольмюцкий, Святоплук и Вратислав Брюнские.

Во главе двух польских отрядов стояли князья Мешко III и Болеслав IV. Первый отряд, по упоминанию «Магдебургской хроники», выступил вместе с саксонским войском, второй численностью якобы до 20 тысяч воинов направился в земли пруссов [6, с. 280].

В «Магдебургских анналах» содержится упоминание об участии в походе и русского войска: «Против них, по неисповедимой воле Божией, с огромнейшим войском выступила даже Русь, хотя и не совсем правоверная но все же отмеченная званием христианским. И вот все они с несметным снаряжением и обозами, с удивительным благочестием вступили в различных местах в землю язычников...» [6, с. 280–281]. По мнению В. Т. Пашуто, это было смоленско-волынское войско в союзе с Болеславом IV, выступившее против прусского племени ятвагов [17, с. 155–156]. Результаты похода польско-русского войска в источниках не упоминаются, но можно предположить, что особых успехов они не достигли, поскольку уже в 1149 г. угроза ятвагов польским землям стала весьма серьёзной проблемой [17, с. 156].

Помимо чешских, польских и русских князей с их дружинами в походе участвовал также ряд крупных европейских светских и церковных феодалов со своими отрядами, таких, как герцоги Конрад Бургундский и Оттон Аменьслебенский, граф Герман Рейнский; епископы Генрих

Ольмуцкий, Рудольф Хальберштадский, Вернер Мюнстерский, а также ряд других, мотивация участия которых до конца не выяснена, хотя существует версия об их нежелании отправляться в поход на Восток на фоне всеобщего религиозного порыва [23]. Вышеперечисленные феодалы со своими отрядами преимущественно вошли в состав южного ополчения Альбрехта Медведя.

Несмотря на практически полное отсутствие свидетельств о готовящейся миссионерской деятельности [26], в числе лидеров Вендского похода находилось немало высокопоставленной церковной знати. Однако возврат славянских земель, многие из которых церковь считала своими, надзор за воинами с целью исключения возможностей сговора с язычниками и будущая христианизация славян были далеко не полным перечнем причин, по которым в походе участвовали представители церкви.

Не последнюю роль участия в составе того или иного войска представителей церкви сыграла также принадлежность и лояльность к той либо иной знатной фамилии. Это также не могло не оказать определённого влияния как на процесс подготовки, так и на непосредственный ход похода.

В качестве иллюстрации данного утверждения можно привести пример, что архиепископ Адальберо Бременский и настоятель Бременского кафедрального собора Хартвиг, следовавшие с войском Генриха Льва, имели все основания для разногласий с герцогом. В 1144 г. он насильно отобрал владения, отошедшие по наследству настоятелю Хартвику и пытавшегося передать их под юрисдикцию архиепископа Адальберо [23].

Другим примером внутрицерковных распрей может служить конфликт архиепископа Фридриха Магдебургского с епископами Виггером Бранденбургским и Ансельмом Гавельбергским, которые пожелали осуществлять самостоятельную власть над своими епископатами

(недавно отвоёванными у славян), находясь в минимальной зависимости от Ордена Премонстрантов, к которому принадлежали сами. Этому воспротивился архиепископ Фридрих, желавший, чтобы вновь колонизируемые территории были подчинены Магдебургскому архиепископству. Из-за борьбы за свои епископаты Виггер и Ансельм вынуждены были выступать в войске Альбрехта Медведя, союзника короля Конрада, хотя относились к покровителю графа королю Конраду неприязненно и более нуждались в поддержании стабильных отношений с Генрихом Львом.

В то же время император Конрад III поддерживал архиепископа Фридриха Магдебургского, когда с Ансельмом и Виггером прервал любые отношения папский легат Ансельм Гавельбергский [23].

Таким образом, можно заключить, что и в рядах представителей церкви, имевших отношение к Вендскому походу, единства в средствах конечного достижения целей не было. Небольшая их часть (вероятно, во главе с папским легатом Ансельмом Гавельбергским), возможно, не исключала мирных миссионерских действий; однако основная масса церковнослужителей руководствовалась иными, подчас далёкими от заповедей христианства целями: хитросплетениями феодальных междоусобиц и перспективой получения новых земельных угодий.

Фактом, подтверждающим, что высшие иерархи церкви хорошо понимали разницу в мотивации и условиях исполнения крестовых обетов, может служить то, что, по мнению Филиппа, крестоносцам, уже взявшим крест для похода в Святую Землю, запрещалось менять свои планы и примыкать к отрядам, идущим в земли славян [24, с. 241].

Необходимо также отметить, что далеко не все люди в средневековой Европе, в т. ч. в среде католического духовенства, были охвачены религиозным порывом и случалось, подходили к идее крестового похода с резкой критикой. Исто-

рик И. А. Лебедев со ссылкой на «Малые Вюрцбургские анналы» цитирует слова одного из хронистов, по всей вероятности, входившего в число приближённых епископа Вюрцбургского: «За грехи Бог попустил наказание на западную церковь. Ибо воздвиглись некие лжепророки, дети Белиала, слуги антихриста, и пустыми речами соблазнили христиан, лживой проповедью возбуждали всех людей идти против сарацин на освобождение Иерусалима. И проповедь их была столь успешна, что как бы по какому тайному согласию всех почти стран обитатели добровольно предлагали себя на истребление; не только простые люди думали совершить этим угодное Богу, но даже короли, герцоги, маркграфы и остальные сильные мира сего, вместе с впавшими в подобное же заблуждение епископами, архиепископами, аббатами и иными служителями церкви с радостью бросились на страшную погибель души и тела. Что удивляться, если сам господин Евгений, первосвященник римский, не знаю по какому тайному убеждению, будучи подвигнут стараниями аббата Клервоского Бернарда, писал к благочестивому римскому императору Конраду и ко всей империи, к королю Франции, к королю Англии и ко всем королям христианской веры и исповедания и вельможам их и подданным» [12, с. 87].

Третьей силой (помимо германской и европейской знати), принявшей активную роль в подготовке и участии в походе, были даны. Датские короли соправители Свен и Канут рассчитывали от участия в походе, помимо богатой добычи, получить в своё владение портовый г. Любек в Вагрии и о. Рюген, а также поставить под свой контроль южное побережье Балтики, включая богатые славянские портовые города и ликвидировать славянское пиратство, бывшее для данов настоящим «бичом Божьим» [4, с. 120]. Не исключено, что это пересечение интересов явилось одной из причин возникновения последующих распрей, возникших в рядах

саксонско-датского войска, осаждавшего славянскую крепость Добин [24, с. 17].

По предположению Дж. Филиппа, к предшественнику соправителей Свена и Канута датскому королю Эрику Агнцу с проповедями об участии во Втором крестовом походе прибыл папский легат Хибалдус, находившийся при датском дворе с июня по декабрь 1146 г. и заручившийся согласием датчан на участие во вторжении [24, с. 9].

В походе на Восток даны участия не приняли, но «Вражда, возникшая вследствие их (королей Свена и Канута. – прим. автора) соперничества за обладание королевской властью, была укрощена благодаря заключённому для совместного похода союзу, после чего они, объединив свои силы, отправились в Склавия, в то время как германцы согласно уговору напали на эту землю с другой стороны. И вот юты под предводительством Канута и жители Хедебю под предводительством Свено заняли вражескую гавань. Сьяландцы и сканийцы пришли последними и расположились там, где оставалось место, вокруг флота тех, что пришли первыми. Горящие желанием сражаться за церковь саксонцы также пришли [сюда] на берег и заключили военный союз с данами. Вскоре обе армии осадили знаменитый город морских разбойников под названием Добин...» [4, с. 97].

Заключение

Таким образом, анализируя подготовительный этап Вендского крестового похода, можно сделать ряд выводов.

Идея крестового похода в земли полабских славян сложилась ещё в начале XII в. из двух факторов: идеологического («Магдебургское письмо») и практического (успешное военное продвижение ряда крупных польских и немецких феодалов с последующей колонизацией и христианизацией).

Вендский крестовый поход 1147 г. выделился как часть Второго крестового похода, для чего с одобрения Папы Рим-

ского Евгения III аббат ордена Цистерцианцев Бернард Клервосский своими проповедями смог привлечь значительное число европейских рыцарей. Идеологическая подготовка похода велась с амвонов церковью Германии, Франции, Чехии, Англии, Польши.

Несмотря на официально заявляемые руководителями похода миссионерские цели, основными его причинами был захват новых земель саксонской и датской знати. Именно поэтому было придумано юридическое оправдание того, что церковь и светские саксонские феодалы рассчитывали вернуть земли, захваченные ими в первой половине X в. и потерянные в ходе славянских восстаний в последней четверти X в. В этом вторжении северо-германскую светскую и религиозную знать поддержали датские

короли и феодалы, рассчитывавшие, помимо добычи, на получение контроля над приморскими землями южной Балтики (в т. ч. над портовым г. Любек и о. Рюген).

Мотивы участия в Вендском походе для разных социальных и национальных групп крестоносцев существенно различались как при участии в походах на Ближний Восток и Иберию, так и между собой. Несмотря на первоначально заявленную идею обращения славян в христианство (словом либо силой) и мести за «отступничество» от христианства, в ходе подготовки похода она, столкнувшись с реалиями межклановой борьбы северо-германской церковной и светской знати, переформировалась в сугубо прагматическую идею захвата новых земель.

Статья поступила в редакцию 27.01.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Бремениский А. Славянские хроники. М.: Русская панорама, 2011. 584 с.
2. Бреткевич М. В. Введение в социальную историю княжества Славии, или Западного Поморья. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1911. 272 с.
3. Гильфердинг А. Ф. История балтийских славян. М., 1874. 486 с.
4. Грамматик С. Деяния данов: в 2-х т. Т. 2: Книги XI–XVI. М.: Русская панорама, 2017. 616 с.
5. Грацианский Н. П. Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты // Вопросы истории. 1946. № 2-3. С. 91–105.
6. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV: Западноевропейские источники / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. М., 2010. 512 с.
7. Заборов М. А. Крестовые походы. Москва, 1956. 280 с.
8. Карл Великий. Реалии и мифы / под ред. А. А. Сванидзе. М., 2001. 232 с.
9. Королюк В. Д. Древнепольское государство. М., 1957. 208 с.
10. Котляревский А. А. Древности юридического быта балтийских славян. Опыт сравнительного изучения славянского права. Ч. 1. Спб., 1895. 215 с.
11. Лебедев И. А. Крестовый поход немцев на славян 1147 года // Русский Вестник. 1873. Т. 108. С. 376–406.
12. Лебедев И. А. Последняя борьба балтийских славян против онемечивания. Ч. I. М., 1876. 305 с.
13. Пауль А. Балтийские славяне. От Рёрика до Старигарда. М.: Книжный мир, 2016. 544 с.
14. Пауль А. Древняя Англия: к вопросу о судьбе остатков племени англов в Ютландии в средневековье // Исторический формат. 2015. № 2. С. 140–175.
15. Пауль А. LEX ANGLIORUM. К вопросу о первой английской марке Франкской империи // Исторический формат. 2015. № 3. С. 25–51.
16. Пауль А. Славяне у берегов Северного моря // Переформат: [сайт]. URL: http://pereformat.ru/2014/02/slaviane_na_beregy_sev_moria (дата обращения: 10.10.2020).
17. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 472 с.
18. Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе (опыт исчисления). М.: Госполитиздат, 1941. 436 с.
19. Dragnea M. Divine Vengeance and Human Justice in the Wendish Crusade of 1147 // Collegium Medievale. 2016. Vol. 29. P. 49–82.
20. Fønnesberg-Schmidt I. The popes and the Baltic Crusades 1147–1254. Leiden, Boston, 2007. 287 p.

21. Hermann J. Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neiße vom. Berlin, 1985. 636 p.
22. Jaffe F, ed. Regesta Pontificum romanorum. Ab condita ecclesia. Ad annum post christum natum. MCXCVIII. Berolini, Veit et socius, 1851. 952 p.
23. Lees J. T. Why did you come with a naked weapon? Leaders of the Vendian campaign of 1147 / 8 Collection «The Second Crusade. Holy War on the periphery of the Latin Christian world». Belgium, Brepols Publishers, Turnhout, 2015. P. 273–301.
24. Phillips J. Second Crusade. Extending the frontiers of Christendom. London, Yale University press, 2007. 364 p.
25. Roche J. The Second Crusade, 1145–1149: Damascus, Lisbon and the Wendish Campaigns // History Compass. 2015. № 13 (11). P. 599–609.
26. Ščavinskas M. On the Crusades and Coercive Missions in the Baltic Region in the Mid-12th Century and Early 13th Century. The Cases of the Wends and Livonians // Zeitschrift für Ostmitteleuropaforschung. 2014. № 4. P. 499–527.
27. Sporzhinsky D. Poland and the papacy before the second crusade // The Papacy and the Crusades / M. Balard, ed. Farnham, Ashgate, 2012. P. 256–268.
28. The Crusades: an Encyclopedia / Alan V., ed. Oxford, 2006. 1554 p.

REFERENCES

1. Bremensky A. *Slavyanskije khroniki* [Slavic Chronicles]. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2011. 584 p.
2. Bretkevich M. V. *Vvedenie v sotsialnuyu istoriyu knyazhestva Slavii, ili Zapadnogo Pomorya* [An introduction to the social history of the principality of Slavia, or Western Pomerania]. Yuryev, K. Mattisen Publ., 1911. 272 p.
3. Gilferding A. F. *Istoriya baltiiskikh slavyan* [History of the Baltic Slavs]. Moscow, 1874. 486 p.
4. Grammatik S. *Deyaniya danov: v 2-kh t. T. 2: Knigi XI–XVI* [Grammar S. Acts of the Danes: in 2 vol. Vol. 2: Books XI–XVI]. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2017. 616 p.
5. Gratsiansky N. P. [The 1147 crusade against the Slavs and its results]. In: *Voprosy istorii* [History Questions], 1946, no. 2-3, pp. 91–105.
6. Jason T. N., Konovalova I. G., Podosinov A. V., ed. *Drevnyaya Rus v svete zarubezhnykh istochnikov. Khrestomatiya. T. IV: Zapadnoevropeiskie istochniki* [Ancient Russia in the light of foreign sources. Reader. Vol. IV: Western European Sources]. Moscow, 2010. 512 p.
7. Zaborov M. A. *Krestovye pokhody* [Crusades]. Moscow, 1956. 280 p.
8. Svanidze A. A., ed. *Karl Velikii. Realii i mify* [Charlemagne. Realities and myths]. Moscow, 2001. 232 p.
9. Korolyuk V. D. *Drevnepolskoe gosudarstvo* [Ancient Polish state]. Moscow, 1957. 208 p.
10. Kotlyarevsky A. A. *Drevnosti yuridicheskogo byta baltiiskikh slavyan. Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskogo prava. Ch. 1* [Antiquities of the legal life of the Baltic Slavs. The experience of the comparative study of Slavic law. Part 1]. S.Petersburg, 1895. 215 p.
11. Lebedev I. A. [The crusade of the Germans against the Slavs in 1147]. In: *Russkii Vestnik* [Russian Bulletin], 1873, vol. 108, pp. 376–406.
12. Lebedev I. A. *Poslednyaya borba baltiiskikh slavyan protiv onemchivaniya. Ch. 1* [The last struggle of the Baltic Slavs against Germanization. Part I]. Moscow, 1876. 305 p.
13. Paul A. *Baltiiskie slavyane. Ot Rerika do Starigarda* [Baltic Slavs. From Rorik to Starigard]. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2016. 544 p.
14. Paul A. [Ancient England: on the fate of the remnants of the Angle tribe in Jutland in the Middle Ages]. In: *Istoricheskii format* [Historical format], 2015, no. 2, pp. 140–175.
15. Paul A. [LEX ANGLIORUM. On the question of the first English stamp of the Frankish Empire]. In: *Istoricheskii format* [Historical format], 2015, no. 3, pp. 25–51.
16. Paul A. [Slavs off the coast of the North Sea]. Available at: http://pereformat.ru/2014/02/slavyane_na_beregy_sev_moria (accessed: 10.10.2020).
17. Pashut V. T. *Vneshnyaya politika Drevnei Rusi* [Foreign policy of Ancient Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 472 p.
18. Uralnis B. Ts. *Rost naseleniya v Evrope (opyt ischisleniya)* [Population Growth in Europe (Calculus Experience)]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1941. 436 p.

19. Dragnea M. Divine Vengeance and Human Justice in the Wendish Crusade of 1147. In: *Collegium Medievale*, 2016, vol. 29, pp. 49–82.
20. Fønnesberg-Schmidt I. The popes and the Baltic Crusades 1147–1254. Leiden, Boston, 2007. 287 p.
21. Hermann J. *Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neißة vom*. Berlin, 1985. 636 p.
22. Jaffe F, ed. *Regesta Pontificum romanorum. Ab condita ecclesia. Ad annum post christum natum. MCXCVIII*. Berolini, Veit et socius, 1851. 952 p.
23. Lees J. T. Why did you come with a naked weapon? Leaders of the Vendian campaign of 1147. In: *The Second Crusade. Holy War on the periphery of the Latin Christian world*. Belgium, Brepols Publishers, Turnhout, 2015. P. 273–301.
24. Phillips J. *Second Crusade. Extending the frontiers of Christendom*. London, Yale University press, 2007. 364 p.
25. Roche J. The Second Crusade, 1145–1149: Damascus, Lisbon and the Wendish Campaigns. In: *History Compass*, 2015, no. 13 (11), pp. 599–609.
26. Ščavinskas M. On the Crusades and Coercive Missions in the Baltic Region in the mid-12th century and early 13th century. The Cases of the Wends and Livonians. In: *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*, 2014, no. 4, pp. 499–527.
27. Sporzhinsky D. Poland and the papacy before the second crusade. In: Balard M., ed. *The Papacy and the Crusades*. Farnham, Ashgate, 2012. P. 256–268.
28. *The Crusades: an Encyclopedia* / Alan V., ed. Oxford, 2006. 1554 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Прохватиллов Илья Владимирович – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: hypakabra2014@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya V. Prokhvatilov – postgraduate student at the Department of History of Russia of the Middle Ages and the New Age, Moscow Region State University;
e-mail: hypakabra2014@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Прохватиллов И. В. Причины и мотивация участников Вендского крестового похода 1147 года // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 146–158.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-146-158

FOR CITATION

Prokhvatilov I. V. Reasons and motivation for the Wendish crusade of 1147. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 3, pp. 146–158.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-146-158